

А.П. Лопухин

**Промысел Божий в истории
человечества**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

А11 **А.П. Лопухин**
Промысел Божий в истории человечества / А.П. Лопухин – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 128 с.

ISBN 978-5-458-56609-4

ISBN 978-5-458-56609-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

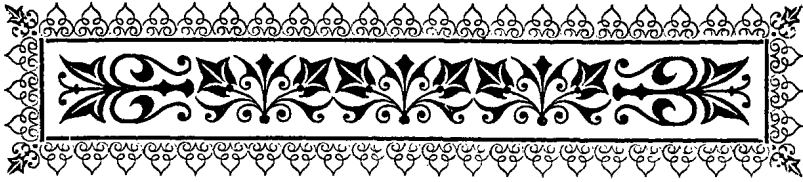
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ.

РЕДИ вѣчныхъ вопросовъ человѣческой мысли есть одинъ предметъ, который, по нашему мнѣнію, болѣе всего нуждается, если не въ новомъ изслѣдованіи (да для него, конечно, и не могутъ считаться достаточными рамки публичной рѣчи предъ смѣшаннымъ собраніемъ), то по крайней мѣрѣ въ новомъ освѣженіи его въ сознаніи. Это именно вопросъ о Промыслѣ Божіемъ въ исторіи. Вопросъ этотъ много разъ разрабатывался въ исторической наукѣ и имѣетъ цѣлую литературу, въ которой значатся многія знаменитыя имена, служащія центрами цѣлыхъ историческихъ школь, такъ что задаваться цѣлью сказать что-либо новое по этому предмету значило бы предпринимать слишкомъ рискованное дѣло, и оно нисколько не входитъ въ нашу задачу; но мы полагаемъ, что освѣжить этотъ вопросъ въ сознаніи въ настоящее время болѣе необходимо и полезно, чѣмъ когда либо. Эта задача вызывается самою насущною потребностью времени. Всѣ, у кого

только сохранилась достаточная чуткость въ наблюдѣніи знаменій времени, способность подслушивать таинственное біеніе пульса исторической жизни человѣчества, не могутъ не признать, что къ концу доживаемаго нами вѣка начинается совершаться глубокознаменательный и высокоинтересный процессъ, долженствующій очевидно выработать то, что должно сдѣлаться отличительной чертой этого вѣка въ отличіе отъ всѣхъ другихъ. Въ литературѣ уже не разъ дѣлалась попытка отыскать эту отличительную черту нашего вѣка и перебрано не мало кличекъ, которыя однако-же оказались или недостаточно мѣткими, или недостаточно полными. И эта неудача объясняется просто тѣмъ, что нашъ вѣкъ слишкомъ сложенъ въ своемъ теченіи, слишкомъ много разнообразныхъ наслоеній представляетъ собою, чтобы можно было подвести ихъ подъ одно всеобъемлющее начало.

Въ самомъ дѣлѣ, едва ли есть такое міросозерцаніе, которое такъ или иначе не выдвигалось бы въ теченіе доживаемаго вѣка и не выступало съ гордой претензіей сказать послѣднее слово въ отвѣтъ на роковой вопросъ о смыслѣ и цѣли бытія. Начавъ съ мистическаго піетизма, составлявшаго сильную реакцію противъ прошловѣковаго рационализма, онъ перешелъ къ идеализму, который въ лицѣ Гегеля хотѣлъ все бытіе низвести на чистую идею, изглаживая всякую противоположность между идеей и дѣйствительностью, духомъ и матеріей, Творцомъ и твореніемъ. Но этотъ всепоглощающій идеализмъ скоро оказался слишкомъ не соответствующимъ реальнымъ запросамъ мысли и жизни и потому долженъ былъ уступить мѣсто иному міросозерцанію, которое, можно сказать, болѣе всѣхъ

другихъ наложило свою печать на фізіономію нашего вѣка, именно матеріалистическому. Было время, когда матеріализмъ грозилъ сдѣлаться основнымъ символомъ вѣры цивилизованнаго міра и, найдя себѣ временнаго союзника въ естествознаніи, получившемъ въ нашъ вѣкъ небывалое развитіе, рѣпительно выступалъ въ качествѣ послѣдняго выразителя всѣхъ чаяній человѣческаго духа. Потворствуя чувственной сторонѣ человѣческой природы и будучи доступенъ самому непосредственному мышленію, матеріализмъ широкой волной пробѣжалъ по духовной жизни Европы, захватывая и такія области ея, которыя обыкновенно стоятъ въ сторонѣ отъ умственныхъ движеній, — въ простыя, народныя массы. Подъ его именно вліяніемъ въ народныхъ массахъ новѣйшаго времени болѣе всего подорваны были высшія идеальныя стремленія и въ жизни водворилось господство самыхъ грубыхъ интересовъ, заставлявшее всѣхъ лучшихъ людей серьезно опасаться за будущее. Это господство матеріализма продолжается и доселѣ, хотя уже скорѣе въ его практическихъ результатахъ, чѣмъ въ теоріи. Какъ теорія онъ весьма замѣтно начинаетъ терять свое обаяніе и все болѣе обнаруживаетъ свою несостоятельность въ удовлетвореніи высшихъ запросовъ разума и жизни. Еще такъ недавно подъ его вліяніемъ отрицалось все таинственное и сверхъестественное, что даже становится невѣроятнымъ, до какой степени теперь вездѣ замѣчается жажда таинственности. Современный культурный человѣкъ съ какою-то болѣзненною чуткостью прислушивается къ страннымъ голосамъ въ мрачныхъ сеансахъ спиритизма,

благоговѣнно внимаетъ таинственнымъ постукиваніямъ и движеніямъ бездушнаго стола, увлекается загадочнымъ фокусомъ отгадыванія чужихъ мыслей, и даже люди положительной науки не прочь вѣрить въ возможность невѣдомаго четвертаго измѣренія ¹⁾. Не удовлетворяя запросовъ разума, материализмъ затѣмъ пересталъ удовлетворять и запросы жизни. Чувственная сторона человѣка оказалась не единственною, которая нуждается въ удовлетвореніи. Даже при полномъ удовлетвореніи всѣхъ потребностей этой чувственной стороны оказалось, что въ человѣкѣ есть еще существо, которое тѣмъ болѣе голодаетъ, чѣмъ болѣе утучняется тѣло, и такъ какъ сразу признать права этого внутренняго существа было бы слишкомъ крутымъ переходомъ отъ полного его отрицанія, то по необходимости пришлось пережить еще одну стадію, которая также накладываетъ свой особый отпечатокъ на ту же испещренную уже фizioномію нашего вѣка. Эта стадія есть пессимизмъ, который даже какъ теорія получилъ въ послѣднее время весьма широкое распространеніе и глашатаи котораго — Шопенгауэръ и Гартманъ — самые популярныя философы нашего времени. Если бы пессимизмъ въ состояніи былъ удержать за собою господство надъ умами нашего времени, то это было бы самымъ яркимъ доказательствомъ полной несостоятельности тѣхъ началъ, которыми жилъ нашъ вѣкъ, — это было бы самое печальное банкротство — на подобіе того, которое уже не разъ повторялось въ исторіи, и именно въ концѣ крупныхъ историческихъ эпохъ,

¹⁾ Ср. наше публичное чтеніе: «Заокеанскій западъ въ религіозно-правственномъ отношеніи», чтеніе первое, стр. 1.

приходивших послѣ блестящаго разцвѣта культуры къ безотрадному сознанію полной несостоятельности самыхъ основъ ея. Но—это очевидная невозможность, и пока человѣчество окончательно не истощило своихъ жизненныхъ силъ, оно никогда не можетъ удовлетвориться пессимизмомъ, какъ всеобъемлющимъ міросозерцаніемъ, и самое широкое распространеніе его послужитъ лишь переходной ступенью къ другому, болѣе отрадному міросозерцанію, которое въ состояніи удовлетворить никогда не умирающія въ человѣкѣ высшія духовнонравственныя потребности и чаянія. И едва ли можно отрицать, что поворотъ въ этомъ отношеніи уже явственно совершается: прежніе кумиры, еще недавно пользовавшіеся почти всеобщимъ поклоненіемъ, низвергаются, представители матеріализма и пессимизма отодвигаются на задній планъ, а на мѣсто ихъ выдвигаются представители другого, религіознонравственнаго міросозерцанія, произведенія которыхъ пользуются чрезвычайно широкою распространенностью. Достаточно въ этомъ отношеніи указать на знаменитыя въ своемъ родѣ сочиненія и бесѣды Друммонда ¹⁾, которыя облетѣли весь міръ и, по нашему мнѣнію, составляютъ поразительное доказательство того, насколько назрѣла въ современномъ культурномъ человѣчествѣ потребность

¹⁾ Мы разумѣемъ его *Supernatural law in the natural world*, разошедшее въ безчисленныхъ изданіяхъ на многихъ языкахъ (нѣсколько статей изъ него было напечатано нами въ журналѣ „Странникъ“ за 1889 годъ подъ заглавіемъ: «Единство законовъ бытія»), а также и его бесѣды на разныя религіозно-нравственныя темы (*The Greatest thing in the world*, *Rex vobiscum* и др.), разошедшіяся также въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ на разныхъ европейскіихъ языкахъ (вышли и на русскомъ, Москва. 1892 г.).

освободиться отъ ига грубаго матеріализма и песимизма и найти удовлетвореніе своей жаждущей душѣ въ началахъ иного, болѣе возвышеннаго міросозерпанія. вмѣстѣ съ поворотомъ въ принципѣ явно замѣчается поворотъ и въ частностяхъ. Если еще недавно подъ вліяніемъ извѣстной теоріи чело­вѣкъ съ какимъ-то злорадствомъ развѣнчивалъ себя въ качествѣ высшаго представителя духовной жизни на землѣ и низводилъ на одинъ уровень со всѣмъ остальнымъ животнымъ міромъ и главнымъ образомъ со своими ближайшими предками — изъ породы четверорукихъ, то теперь замѣчается какъ разъ обратное движеніе: развѣнчанный чело­вѣкъ вновь возстановляется въ свои права и вновь выдвигаются на первый планъ тѣ великіе представители чело­вѣчества, въ которыхъ выразилась съ наиболь­шей силою идея богоподобія чело­вѣка. И это стремленіе съ особенною силою сказывается въ томъ поразительномъ фактѣ, что въ переживаемое нами время пробудилась особенная жажда къ ближай­шему изученію Того, Который былъ и есть совершенный Богъ и совершенный чело­вѣкъ, чѣмъ только и можно объяснить тотъ небывалой успѣхъ, которымъ пользуются въ наше время жизнеописанія Христа ¹⁾).

Но эти симптомы составляютъ лишь начало благо­творной реакціи, и для полнаго возстановленія нормальной жизни остается сдѣлать еще весьма много. Подъ вліяніемъ пережитой смѣны нѣсколь­кихъ разнородныхъ міровоззрѣній въ чело­вѣкѣ на-

¹⁾ Между многими другими жизнеописаніями Христа особенно широкое распространеніе получили извѣстныя сочиненія Фаррара «Жизнь Иисуса Христа», Дидона «Иисусъ Христосъ», переведенныя почти на всѣ евро­пейскіе языки, въ томъ числѣ и на русскій.

шего вѣка остался цѣлый рядъ осадковъ, которые подорвали цѣльность его существа, произвели въ немъ крайній разладъ и затемнили въ его сознаниіи самыя простыя истины. Отсюда стали возможными такія странныя явленія, что въ лицахъ, которыя можно считать типическими представителями нашего вѣка, даже при добромъ желаніи ихъ осмыслить для себя и для другихъ жизнь человѣчества, обнаруживается какое-то чудовищное недомысліе въ пониманіи самыхъ основныхъ истинъ, которыя дотолѣ считались не выходящими за предѣлы элементарнаго катихизическаго знанія ¹⁾. И нужно сказать, что этотъ разладъ присущъ не отдѣльнымъ только лицамъ, а и всему современному культурному человѣчеству. Оно все проникнуто такими странными противорѣчіями, которыя явно показываютъ, насколько потрясены въ немъ самыя основы разума, логически стройнаго воззрѣнія на міръ и его жизнь. Въ самомъ дѣлѣ достаточно отмѣтить нѣсколько самыхъ осязательныхъ фактовъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Несомнѣнно высшимъ предметомъ честолюбія нашего вѣка было стремленіе обосновать на чисто естественныхъ началахъ гуманизмъ или человѣчность съ ея лучшими проявленіями, и въ умахъ передовыхъ глашатаевъ этого естественнаго гуманизма уже ясно рисовался идеаль вѣчнаго мира между людьми и цѣлыми народами, такъ что извѣстный историкъ цивилизаціи въ Англии (Бокль) съ этой точки зрѣнія могъ смѣло объявлять бывшую при немъ (крымскую) войну

¹⁾ Мы разумѣемъ религіозно-философскія сочиненія графа Л. Толстаго. «Въ чемъ моя вѣра», «Крейцера совѣта» и др.

послѣднимъ остаткомъ отживавшаго варварства. И однако же въ странномъ противорѣчїи съ этимъ идеаломъ стоитъ тотъ несомнѣнный фактъ, что едва ли еще въ какомъ вѣкѣ проливалось столько человѣческой крови и погибало отъ насильственныхъ переворотовъ столько человѣческихъ жизней, какъ именно въ нашъ вѣкъ, и вмѣсто того, чтобы при помощи гуманныхъ началъ водворить миръ на землѣ и благоволеніе въ человѣкахъ, нашъ культурный вѣкъ закончилъ водвореніемъ страшнаго милитаризма, который поглощаетъ лучшія силы народовъ и призываетъ на служеніе себѣ высшую изобрѣтательность съ цѣлю усиленія и безъ того адской разрушительности своего оружія. Для соціально-экономической жизни культурный прогрессъ, при помощи множества чрезвычайно важныхъ открытій, давшихъ возможность пользоваться такими великими силами, какъ паръ и электричество, могъ обѣщать осуществленіе небывалаго благосостоянія и освобожденія народныхъ массъ отъ тяжкаго, непосильнаго труда; а въ дѣйствительности этотъ прогрессъ привелъ лишь къ еще большей противоположности между высшими и низшими классами въ народахъ и содѣйствовалъ лишь тому, что блага культуры сосредоточиваются все въ болѣе ограниченномъ кругѣ, за предѣлами котораго все болѣе усиливается нужда, доходящая въ главнѣйшихъ центрахъ цивилизаціи до ужасающей бѣдственности, предъ которою невольно останавливаешься въ крайнемъ недоумѣніи, а питаемая этою бѣдственностью демократія смѣло дѣлаетъ вызовъ самой цивилизаціи, отрицая ее какъ несостоятельную въ самой своей основѣ. Уровень общаго образованія въ нашъ вѣкъ

поднялся весьма высоко, и современный культурный человек обладает массой таких знаний, о которых и не подозревали наши еще не особенно далекие предшественники; а между тем рядом с этим высоким просвещением уживается самое вопиющее нравственное убожество и в нравственно-общественной жизни постоянно проявляется такое одичание, которое трудно было бы и предполагать, если бы его не подтверждала наличная действительность. Наконец, чтобы не удлинять этой параллели противоречий, укажем еще на то, что удобства жизни, благодаря успехам цивилизации, несомненно чрезвычайно увеличились, и современный человек имеет возможность пользоваться множеством самых изысканных наслаждений; и однако же в разительном противоречии с этим выступает тот факт, что истинная жизнерадостность несколько не возвысилась, а напротив ослабла, и с каждым годом все более возрастающее количество самоубийств ясно показывает, что все успехи цивилизации не только не могли превратить землю из долины плача в рай сладости, а напротив еще более усилили скорбность земного бытия, количество труждающихся и обремененных возросло до чудовищной степени, и все они, отчаявшись в возможности получить облегчение себя от цивилизации и не имея уже в себе достаточно дерзновения для того, чтобы питать веру в возможность высшего избавления, с мрачным отчаянием воспринимают страшную проповедь пессимизма, гласящую, что небытие лучше бытия и что самый мир есть нечто такое, чего не должно бы быть совсемъ.

И вотъ въ виду такихъ и множества другихъ противорѣчій, выступающихъ тѣмъ сильнѣе и рѣзче, чѣмъ больше цивилизація стремилась сгладить ихъ, у массы современнаго человѣчества рѣшительно теряется нить разумнаго пониманія явленій наличной и исторической жизни, и въ виду явнаго несоотвѣтствія результатовъ съ стремленіями невольно зарождается вопросъ: не есть ли весь этотъ калейдоскопъ противорѣчивыхъ явленій игра неразумныхъ случайностей? Не есть ли вся исторія человѣчества безконечный рядъ подобныхъ же случайностей, въ которыхъ отдѣльные люди и цѣлые народы, являясь на землѣ, мнутъ на ней безъ всякаго смысла и цѣли, къ чему-то стремятся, никогда не достигая желаемаго, борются, страдаютъ, напрягаютъ всѣ свои усилія создать что-то такое, что однако-же отъ какой нибудь глупой случайности сразу рушится, и сходятъ съ исторической сцены, оставляя по себѣ лишь смутныя воспоминанія? — Къ ряду отмѣченныхъ противорѣчій нашего вѣка несомнѣнно принадлежитъ и то, что не смотря на всѣ успѣхи научнаго знанія въ наше время, стремящагося всѣ явленія подвести подъ общіе опредѣленные законы, въ массѣ современнаго человѣчества явно преобладаетъ взглядъ на исторію именно какъ на сплѣненіе случайностей, и потому-то повсюду замѣчается крайняя растерянность предъ лицомъ тѣхъ или другихъ политическихъ или соціальныхъ явленій, которыя всѣхъ поражаютъ своею неожиданностью и какъ бы безпричинностью и приводятъ въ смущеніе даже тѣхъ, кто съ напускною научною серьезностью во всемъ хотятъ видѣть господство неумолимой необходимо-